

Трёхногую жабу найти непросто, а вот людей на двух ногах — пруд пруди, только руку протяни.

Цин Ши и Цин Юй меньше чем за полчаса разузнали всё о той девушке, с которой им довелось мельком встретиться в монастыре.

— Поместье Линь? Это тот старый зануда из Зала Гуаньвэнь? У него есть дочь?

— Хозяин, это не тот университетский ученый Линь, а другое поместье Линь.

— Другое? В столице есть второе поместье Линь?

Цин Ши подавился воздухом. Как же объяснить? В огромной столице полно людей с фамилией Линь. Да и поместий таких не меньше десятка, просто все знают лишь того, что служит в Академии Ханьлинь.

— Этот господин Линь только в прошлом году перевелся в Цзинду из Сулия, сейчас он седьмого ранга, редактор в Академии Ханьлинь.

— Седьмой ранг? Неудивительно, что не слышал, обычный мелкий чиновник, — Лу Сянь вертел в руках нефритовое горлышко. — Продолжай.

— В семье Линь три брата. Та, которую мы видели в монастыре — старшая законная дочь, зовут Линь Цзиньхэ, — Цин Ши запнулся и слегка нахмурился. — Судьба у барышни незавидная: родная мать умерла рано, нынешняя законная жена отца её невзлюбила, говорят, полмесяца назад она даже в реку бросилась.

— Из-за чего?

— Эх, совсем не хочется здесь оставаться, с чего это меня вдруг сюда перевели.

Громкий выкрик заставил кучку слуг, сгрудившихся в кружок, мгновенно разбежаться — они больше не смели обсуждать господ.

— Нет, это не та хо, что в слове огонь, а та, что в слове ростки.

— ...

— Недостаток крови?

— Барышня... барышня Линь.

Цзыжоу опешила.

— Барышня, мы с Цин Ши тоже не думаем, что она дурочка, но в поместье все так говорят. Будто бы она рассудком повредилась, когда её родная мать скончалась.

Горничные разговорились, уже предвкушая награду, но тут один из мальчишек-слуг, опираясь на метлу, презрительно хмыкнул, прерывая их воодушевленные сплетни.

— А правда ли это?

Мальчишка огляделся по сторонам и, убедившись, что вокруг только свои, прошептал:

— Немудрено, что вы так просто рассуждаете, вы ведь здесь недавно и не знаете, что в Сулине творилось. Скажу честно: разве в этом доме хоть одна наложница жила спокойно? Сколько их перемерло за эти годы, и в первой, и во второй ветви?

— Что значит — перемерло?

Лу Сянь замер, пальцы его застыли на нефритовом горлышке. Он поднял глаза, и в его живом, насмешливом взгляде читалась легкая улыбка.

Пальцы Лу Сяня дрогнули, и он бросил фразу.

Затем он небрежно швырнул горлышко на стол. Оно запрыгало, выписывая круги, и Цин Юй ловко подставил руку, не дав ему упасть и разбиться.

— А?!

Возможно, из-за того, что во дворе стало многолюдно, прежде запустелое место внезапно оживилось. Слуги мели дорожки, горничные натирали дверные рамы и окна. Двор был невелик, и работа, на которую в другом месте ушло бы полдня, здесь спорилась быстро. Когда выдавалась минутка, слуги собирались вместе поболтать.

— Если она дура, то умных людей на свете вообще не осталось.

— Сколько наложниц? — Цзыжоу начала загибать пальцы, старательно считая. — Если сложить обе ветви... по меньшей мере пятнадцать. У второго господина их больше, штук десять.

Цзыжоу теребила подол платья и, наклонившись к самому уху своей госпожи, прошептала:

— Точно я не знаю, но помню, что в Сулине в покоях первого и второго господ то и дело кто-то из наложниц тяжело заболел. Постоянно вызывали лекарей, но те ничего не находили, только разводили руками: мол, истощение крови.

— И как с этим бороться?

— Если так, то сколько же всего наложниц в поместье Линь?

Видя, что госпожа молчит, Цин Ши и Цин Юй добавили:

— Хотите, мы разузнаем подробнее?

Линь Ляоляо нахмурилась так, что брови едва не сплелись в узел.

— Хорошо бы работать у главной госпожи, там и награды перепадает, и щедрость её не знает границ. Говорят, если у неё хорошее настроение, даже прислуга за самую грязную работу получает монетки.

— Почему только ты? Мы ведь все вместе пришли.

— Ты кого душой назвала?

— Пошляк, — пробормотала под нос Линь Ляоляо. — Я говорю... наложниц в этом доме слишком много. Неужели никто не может навести порядок?

— Неужели нельзя просто... ну, меньше их заводить? К чему собирать целый дом наложниц? Чтобы они друг друга изводили?

— Тс-с! Тише ты, кричишь на весь двор!

— Об этом не слышали, но ходят слухи, что у старшей барышни Линь с головой не всё в порядке, говорят, она немного... недалекая.

— Посмотрите, как у наложницы Чжао убого! Она всегда жила подачками от главной госпожи, боюсь даже представить, как нам теперь придется туго.

— Кто бы спорил.

— Уж лучше как белая птица ху, чисто и светло.

— Не нужно, мы просто случайные знакомые, мне было лишь любопытно, — Лу Сянь снова подобрал отброшенное нефритовое горлышко. — Линь Цзиньхэ? Белая птица ху?

— Да. Позже бабушка велела проверить и внутренние, и внешние покои, молились предкам и Будде, но толку не было. В Сулине одна наложница господина скоропостижно скончалась от острой болезни, другая умерла при родах вместе с ребенком. Когда господин получил повышение и семья переезжала в столицу, умерла еще одна. В итоге остались только наложница Чжао и пятая барышня. Но наложница Чжао слаба здоровьем, с самого приезда в столицу только и делает, что хворает. Во второй ветви дела получше, но ненамного. Второй господин хочет сына, и раньше, и теперь набирал наложниц одну за другой, только вот ни одна так и не забеременела.

Линь Ляоляо и Цзыжоу, подслушивавшие за окном, переглянулись.

Слуга отставил метлу и, оглядевшись, зашептал:

— Я сам слышал, как старый управляющий проговорился. Госпожа Лю раньше была наложницей, её возвысили, только когда родная мать старшей барышни умерла. Мы все здесь слуги, куда хозяин прикажет — туда и идем. Но не будьте жадными до легких денег. В этом мире бесплатный сыр бывает только в мышеловке, и если уж он на вас свалился, смотрите, как бы не придавило!

У Линь Ляоляо волосы на затылке зашевелились. Спасибо, не надо.

Пять или десять — какая разница? Нечего старшему брату над младшим смеяться.

— Вы, ребята, мыслите слишком просто. Думаете, деньги просто так раздают? Походите с фонарем по городу, поищите, где еще такая благодать водится?

— Что ты имеешь в виду? Рассказывай.

— Разве мужчины не все такие? Три жены, четыре наложницы — это нормально.

— Ошибаешься! Глубоко ошибаешься!

Линь Ляоляо положила руку на плечо Цзыжоу:

— Нормально — это когда один муж и одна жена. Если человек по-настоящему любит другого, то ни в сердце, ни в глазах, ни рядом с ним нет места для кого-то еще. Только те, у кого сердце мечется, могут сегодня быть с одной, а завтра с другой.

— ...

— Не замирай, я спрашиваю: что такое нормально?

— ...Один муж, одна жена...

— Вот именно! Запомни это!

— Но барышня, где же найти такого человека? Вы говорите как в книжках для сказок.

— Они будут. В будущем. В будущем не только будет один муж и одна жена, но и если кто-то посмеет взять вторую, его ждет тюрьма — минимум на месяц.

— В будущем? Через сколько лет?

Линь Ляоляо замолчала. Через сколько? В груди разлилась горечь. Не потому, что она не знала ответа, а потому, что не знала, как его выразить. Читая историю, она видела тысячи женщин, которые никогда не получали должного отношения. Из-за происхождения, возраста или просто из-за того, что они женщины, их жизни были полны печали. До замужества — подчиняйся отцу, после — мужу, в старости — сыну. Будучи самостоятельными личностями, они становились лишь придатками мужчин, закованными в цепи феодальных догм. Свобода для них — лишь клочок неба в четырех стенах.

Да и в современном мире разве всё иначе?

Везде дискриминация: красивая — значит, слишком вызывающая; обычная — никому не нужная; способная — значит, через постель; выдающаяся — значит, пользуется красотой. Возвращаешься после работы домой, а там стирка, готовка, забота о муже и детях. Стоит хоть немного устать, и вместо сочувствия — шквал обвинений: мол, непутевая женщина.

Линь Ляоляо поняла, что будущее, о котором она рассказывала Цзыжоу, она адресует и самой себе.

Будущее, очень далекое будущее.

— Барышня, барышня...

— А?

— Вторая барышня пришла.

Двое, прильнувших к окну, тут же отпрянули к кровати Линь Цзиньчэнь.

— Странно, вторая барышня обычно презирает пятую, а тут вдруг пожаловала.

— Наверное, притворяется.

Линь Цзиньшу вошла во двор, демонстративно зажав нос, а следом за ней семенила Цюань-нян, дальняя родственница матушки Хэ.

— Что за запах? Фу, вонь какая!

— Вторая барышня, это запах лекарств.

— Целыми днями варят снадобья, совсем не думают о других! Я сейчас уйду, а одежда, боюсь, окончательно провоняла!

— Давай заглянем, глянем и уйдем.

Линь Цзиньшу подошла к двери, убрала руку от лица и постучала:

— Пятая сестрица, это я... Вторая сестра пришла навестить...

Дверь резко распахнулась. Линь Цзиньшу остолбенела.

— О, старшая сестра тоже здесь.

Она тут же начала воровато оглядывать комнату.

Интриги сорокалетних женщин ей, может, и не по зубам, но уловки девчонки-подростка Линь Ляоляо видела насквозь. Еще до того, как Линь Цзиньшу переступила порог, она всё поняла.

— Что ищешь? Бабушки здесь нет.

— ... — Линь Цзиньшу открыла рот, помедлила и ответила: — Я не бабушку ищу.

— Наложницы Чжао тоже нет, она в храме.

— И не её я ищу.

— Тогда зачем пришла?

— ...Я... я проведать пятую сестрицу.

— Она спит, приходи позже.

Линь Ляоляо попыталась захлопнуть дверь, но Линь Цзиньшу преградила путь рукой.

— Еще что-то?

Линь Цзиньшу, вероятно, никогда не видела такую Линь Цзиньхэ. Раньше та была молчаливой и тихой, а теперь — такой решительный тон, такая прямота. Она растерялась и не знала, что делать дальше.

— Старшая барышня, к чему это? Наша вторая барышня так переживает за сестру, пришла навестить, с самого утра сама варила сладкий суп, хотела угостить пятую барышню... Неужели это преступление? — Цюань-нян, державшая поднос, незаметно подтолкнула Линь Цзиньшу в спину.

Линь Цзиньшу быстро взяла себя в руки:

— Старшая сестра, пятая сестрица — наша общая сестра. Ты за неё переживаешь, и я тоже. Нельзя же так ранить чувства сестер.

Она вытащила платок и прижала его к уголку глаза.

— Вторая барышня, не плачьте, ваше горе разбивает мне сердце.

Линь Ляоляо холодно смотрела на этот цирк. Опять пытаются навесить на неё ярлык?

Притворяйся, давай, продолжай!

Платок сухой, а она рыдает!

Линь Ляоляо разжала пальцы, которыми держалась за косяк, и с громким стуком ударила по стене.

Линь Цзиньшу подняла глаза, а Линь Ляоляо лишь приподняла бровь:

— Входи же, ты ведь хотела проведать пятую сестрицу.

Линь Цзиньшу не знала, что у той на уме, но решила, что та не посмеет ничего сделать. К тому

же, она пришла к Линь Цзиньчэнь, какое дело до неё старшей сестре? Она задрала подбородок и гордо шагнула через порог. Цюань-нян собралась последовать за ней, но дверь вдруг с силой захлопнулась, прищемив ей ногу. Линь Ляоляо снова ухватилась за косяк, выталкивая служанку наружу.

— Тебе нельзя внутрь.

Цюань-нян опешила:

— Почему это мне нельзя?

Линь Ляоляо с нескрываемым раздражением посмотрела на неё:

— Внутри только господа, тебе, служанке, там делать нечего.

Цюань-нян, хоть и была родственницей матушки Хэ, все же оставалась прислугой, но из-за родства никто не смел её так называть.

— Старшая барышня, не слишком ли грубо?

— Разве ты не служанка? Или, может... ты хочешь стать госпожой?

Линь Цзиньшу была рядом, и Цюань-нян, как бы ни была дерзка, не посмела подтвердить это.

— Нет, я... я не это имела в виду!

— Раз так, жди снаружи!

— Но... — Цюань-нян подняла поднос, — я не войду, а что с супом делать?

Линь Ляоляо взглянула на неё, отодвинулась в сторону и кивнула на Линь Цзиньшу:

— Ты и неси.

— Я? — Линь Цзиньшу широко открыла глаза. — Как я могу...

— А почему нет? Только что ты распиналась, как переживаешь за пятую сестрицу, упрекала меня, что я мешаю сестрам общаться. А теперь, когда нужно просто донести чашку супа, ты отказываешься? Значит, всё, что ты говорила — ложь. При встрече с бабушкой я обязательно ей всё расскажу: одно дело — не хотеть, другое — лгать.

— Я понесу! Кто сказал, что я не понесу? — Линь Цзиньшу закусил губу, решительно взяла поднос у Цюань-нян. — Цюань-нян, жди снаружи, я... я скоро выйду.

— Вторая барышня...

— Жди!

Линь Ляоляо с силой захлопнула дверь. Цюань-нян едва не упала, отшатнувшись. Глядя на плотно закрытую дверь, она уперла руки в бока и зашипела:

— Тьфу! Выродок без матери!

Линь Цзиньшу, неся поднос, сделала несколько шагов и увидела Цзыжоу, стоявшую у кровати.

— Приветствую вторую барышню, — поклонилась та.

— Ты только что назвала Цюань-нян служанкой и не пустила её, а почему Цзыжоу здесь?! — Линь Цзиньшу обрадовалась, найдя повод придраться.

Линь Ляоляо лишь равнодушно бросила взгляд:

— Она здесь со вчерашнего дня по особому разрешению бабушки. Не веришь — иди спроси.

Раз уж та упомянула бабушку, Линь Цзиньшу пришлось проглотить гнев. Она оглядела комнату: здесь было темно, хотя на улице стоял день, пришлось даже зажечь лампу. Подойдя к кровати, она приподняла полог и тихо позвала:

— Пятая сестрица...

Линь Цзиньчэнь спала весь день, она была в полубреду. Цзыжоу отодвинула полог и, погладив её по голове, нежно позвала:

— Пятая барышня, вторая барышня пришла проводить вас.

Линь Цзиньчэнь, еще не оправившаяся от болезни, с трудом открыла глаза. Увидев гостью, она вжалась в кровать. Её руки были обмотаны бинтами, любое прикосновение причиняло боль. Она дрожала, словно перепуганный кролик, пытающийся спрятаться там, где укрыться негде.

— Пятая сестрица, это я, твоя вторая сестра...

Линь Цзиньшу продолжала настойчиво звать её, и чем ближе она подходила, тем сильнее дрожала Линь Цзиньчэнь.

— Вторая барышня, может, подождете? — попыталась вмешаться Цзыжоу, но Линь Цзиньшу оттолкнула её.

— Кто тебя спрашивал? Уходи!

Цзыжоу потеряла равновесие и ударилась о шкаф. Линь Ляоляо успела подхватить её, иначе та непременно получила бы синяк.

Увидев выступающую ручку шкафа, Линь Ляоляо вспыхнула. Не раздумывая, она схватила Линь Цзиньшу за плечи и с силой оттащила от кровати:

— Ты оглохла? Не видишь, что человеку плохо? Что за суп такой, подождать нельзя? Или ты до завтра не доживешь? Хватит уже приставать!

Линь Цзиньшу, которая и так была не из тех, кто спускает обиды, взорвалась: с раннего утра бабушку не видела, а тут еще Линь Цзиньхэ постоянно на неё давит.

— Линь Цзиньхэ! Довольно! Я терпела, думала, ты просто так себя ведешь, но ты совсем страх потеряла?

Линь Ляоляо прищурилась и мрачно посмотрела на неё:

— Как ты меня сейчас назвала?

<http://bllate.org/book/18628/1793585>